

этом же говорит и Лиутпранд, рассказывая о солунских славянах, восставших против императора.¹ Есть сведения, что во время осады Солуни арабами в 904 г. стратиг Стримона пригласил славян как опытных лучников для защиты города.² Число таких примеров можно было бы значительно умножить. Известно, кроме того, что часть македонских и фракийских славян (σλαβητανοί), завербованных в византийскую армию, находилась в первой половине X в. в феме Опсикий и принимала участие в критском походе 949 г.³

Весьма возможно поэтому, что Василий, поднявший восстание в Опсикии, происходил из македонских (или фракийских) славян и служил империи как наемный воин. Его деятельность в качестве военного руководителя восстания дает основания для такого предположения.

Хроника сообщает далее, что Василий принял имя Константина Дуки, византийского полководца, погибшего в 913 г. при попытке узурпировать императорскую власть. Это сообщение имеет важное значение для социальной характеристики восстания Василия.

Дело в том, что Константин Дука принадлежал к знатному малоазийскому роду Дук, неоднократно стремившемуся захватить императорский престол. При этом Дуки постоянно старались использовать в своих целях недовольство константинопольской бедноты и для этого пытались привлечь ее на свою сторону. Например, еще в 906—907 гг., когда отец Константина Андроник поднял восстание против Льва VI, он заключил соглашение с патриархом Николаем Мистиком, пользовавшимся, по словам жития патриарха Евфимия, поддержкой „нищего народа“ (ἀγυρτοὶ λαοί),⁴ простых и нищих людей (δουλοὶ καὶ ἀγυρτοὶ);⁵ Николай Мистик был поставлен на патриарший престол толпой „торговцев и поваришек, вооруженных палками и дубинами“.⁶

Константин продолжал политику отца: прежде чем вступить в Константинополь, он тоже пытался заключить союз с Николаем Мистиком. И хотя Николай вскоре порвал со своим союзником и перешел на сторону „законного“ императора — малолетнего Константина VII, народные массы Константинополя поддержали Дуку. Об этом свидетельствует размах репрессий над участниками движения. Житие Василия Нового, правда склонное к преувеличениям, но, несомненно, написанное современником событий, насчитывает до трех тысяч погибших и казненных.⁷ Многие из них были посажены на кол.

После поражения восстания 913 г. народные массы забыли о своекорыстных стремлениях Дук и сохранили память о Константине как о смелом и доблестном воине, честном и справедливом человеке. Эта народная традиция восстания 913 г. лучше всего сохранена в житии Василия Нового: здесь раскрывается перед нами ставший сказочным образ Константина, который мчится на коне против арабов, с его оружия срывается пламя, и никто не может устоять перед византийским витязем; здесь рассказывается и о том, что он не хотел

¹ Antapodosis, III, 24.

² J. Cameniatēs. De exc. Thess., p. 514, 14—16.

³ Constantini Porphyg. De cerim. II, 45 (ed. Bonn., p. 666, 15 et aliis).

⁴ Vita Euthymii, ed. C. de Boor, Berlin, 1888, p. 61, 24.

⁵ Ibid., p. 66, 12.

⁶ Ibid., p., 68, 12.

⁷ С. Вилинский. Житие Василия Нового. „Ученые записки Новоросс. ун-та. Истор.-филол. ф-т“, VII, 1911, стр. 294, 30.